

БИБЛИОТЕКА КАК «ВЕЛИКОЕ ХОРОШЕЕ МЕСТО»

Петр Лапо

генеральный эксперт библиотеки

Назарбаев Университета

э-почта: piotr.lapo@nu.edu.kz

В настоящее время популярным подходом в определении приоритетов развития публичной библиотеки в среде мегаполиса является рассмотрение ее в качестве так называемого «третьего места». Термин «третье место» был введен в оборот американским социологом и урбанистом¹ Реем Ольденбургом (*Ray Oldenburg*), автором книги «*Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You through the Day*» («Великое хорошее место: Кафе, кофейни, общественные места, универмаги, бары, тусовки, и как они принимают вас в течение дня»), первое издание которой вышло в 1989 г. С его подачи под первым местом в жизни человека мы понимаем дом, под вторым – работу, и под третьим – то или иное общественное пространство, например, кафе, клуб, книжный магазин, парикмахерскую, различного рода тусовки и т.п.

Как пишет Р. Ольденбург, третьи места во всем мире имеют общие существенные признаки, на фоне которых влияние широкого круга культурных различий и различия в их внешнем облике не имеют особого значения. Эти существенные признаки третьего места Р. Ольденбург определяет путем сравнения его с другими местами, посещаемыми людьми в их повседневной жизни. Не претендуя на исключительную объективность и, как он сам отмечает, движимый желанием, вопреки установившимся в общественном мнении американцев мифам и предрассудкам, восстановить справедливое отношение к третьим местам и олицетворенному ими виду общения людей - «столь существенному для нашей свободы и удовольствия» - Р. Ольденбург перечисляет следующие признаки третьего места:

- на «нейтральной земле» (*On Neutral Ground*)
- третье место – это «левеллер²» (*The Third Place Is a Leveler*)

---

¹ Урбанист — это специалист по городскому планированию, стремящийся сделать городскую среду комфортной для проживания.

² Левеллеры (англ. levellers уравниатели) — общенациональное радикальное политическое течение в период Английской буржуазной революции 17 в., объединяло главным образом мелкобуржуазные прослойки городского населения (ремесленники, мелкие торговцы). Левеллеры выступали за уничтожение монархии, палаты лордов и сословных привилегий, за

- разговор – основная форма активности (*Conversation Is the Main Activity*)
- доступность и убежище (*Accessibility and Accommodation*)
- завсегдаи (*The Regulars*)
- простой облик (*A Low Profile*)
- настроение веселое (*The Mood Is Playful*)
- дом вдали от дома³ (*A Home Away From Home*).

Библиотека не упоминается в книге в качестве третьего места, и, естественно, возникает вопрос: «Почему?». Ведь, согласно приведенным в буклете Американской библиотечной ассоциации (АБА) данным за 2012 год:

- в США публичных библиотек больше, чем кафе Макдональдс (первых 16,766, включая их филиалы);
- 58% взрослого населения США имеют читательские билеты;
- американцы посещают школьные, публичные и научные библиотеки более чем в 3 раза чаще, чем кинотеатры⁴.

Также вполне логичным представляется задать себе и такие вопросы: «Можно ли считать библиотеку третьим местом?» и «Почему библиотеку нужно рассматривать в качестве третьего места, если книга Р. Ольденбурга называется "Великое хорошее место"?».

Любопытной представляется эволюция основного заглавия и подзаголовка книги Р. Ольденбурга. Она была переиздана в 1997 и 1999 гг., и если у издания 1989 года подзаголовок был «Кафе, кофейни, общественные места, универмаги, бары, тусовки, и как они принимают вас в течение дня», то у переизданной через 10 лет книги Р. Ольденбурга подзаголовок звучал уже как: «Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community («Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, парикмахерские и другие тусовки **в сердце сообщества – выделено П.Л.**»)». У переведенной же на русский язык и изданной в 2014 году книги Р. Ольденбурга было изменено уже

превращение Англии в республику с однопалатным парламентом, избираемым на основе всеобщего избирательного права (хотя впоследствии согласились исключить из числа избирателей рабочих и домашнюю прислугу), за равенство всех перед законом и сохранение частной собственности, за проведение социальных реформ и т.п. Как отмечает Р. Ольденбург в своей книге, к середине 17 в. термин «левеллер» приобрел более широкую трактовку, например, левеллерами назывались создаваемые в то время кофейни - «беспрецедентный пример демократии среди англичан», - поскольку люди часто посещали их и «смаковали» новую форму социальной близости, ставшую возможной благодаря разложению старого феодального уклада.

³ Р. Ольденбург пишет: «...зачастую третье место выглядит более домашним, чем собственный дом».

⁴ http://www.ala.org/offices/sites/ala.org.offices/files/content/QuotableFacts.2012_0.pdf

ее основное заглавие (вместо пафосного «Великое хорошее место» оно стало довольно скромным - «Третье место», зато подзаголовок книги звучал даже более пафосно, чем у ее англоязычного переиздания: «Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как **фундамент сообщества** – выделено П.Л.»⁵.

В статье же англоязычной википедии, посвященной книге Р. Ольденбурга, о ней написано буквально следующее: «”Великое хорошее место” убеждает в том, что “третье места”, где люди могут собраться, оставить в стороне связанные с работой и домом проблемы и тусуются в хорошей компании просто для удовольствия и оживленного разговора - **это сердце социальной жизнеспособности сообщества и основа демократии**»⁶.

Как говорится, ни убавить ни прибавить.

Не знаю, как у вас, дорогой читатель, но у меня после таких определений возникла в голове определенная путаница. Согласитесь, все же довольно смелое заявление относительно того, что гражданин идет, например, в такое «третье место» как стриптиз-бар или казино, чтобы, как оказывается, продемонстрировать этим свою гражданскую позицию и приверженность идеям демократии. Или может быть у таких мест есть какая-то специфическая аура (магия?), которая способствует формированию у его посетителя гражданской позиции и демократических ценностей?

И почему автор книги не считает, что у библиотеки тоже есть такая аура? Ведь не только библиотекари и писатели, но и видные политические деятели высказывались о прямой связи между библиотеками и демократией. Например, можно привести следующее высказывание бывшего президента США Франклина Д. Рузвельта: «Библиотеки... существенно важны для функционирования демократического общества... библиотеки являются замечательными символами свободы мыслить»⁷.

В чем же тогда причина умолчания Реем Ольденбургом, урбанистом(!), такого публичного в городе места как библиотека? Чем она не устраивает его в качестве «третьего места» - этого «сердца социальной жизнеспособности сообщества и основы демократии»?

---

⁵ Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Рэй Ольденбург; пер. с англ. А. Широкановой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 456 с.: ил. ISBN 978-5-4448-0201-4.

⁶ [https://en.wikipedia.org/wiki/The_Great_Good_Place_\(Oldenburg\)](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Great_Good_Place_(Oldenburg))

⁷ Quotes about Libraries and Democracy. Compiled by Nancy Kranich. – Режим доступа: <http://www.ala.org/aboutala/governance/officers/past/kranich/demo/statement>. Дата доступа: 24.03.2016.

Чтобы ответить на эти вопросы, предлагаю вернуться к еще неизменному в русском переводе заглавию его книги, которое звучит как «Великое Хорошее Место». Дело в том, что Рей Ольденбург не был первым, кто употребил это выражение. Он его заимствовал у американского писателя Генри Джеймса (*Henry James*), жившего в конце XIX - начале XX вв. и один из рассказов которого, впервые изданный в 1900 году, так и назывался «Великое хорошее место (*The Great Good Place*)»⁸. В этом рассказе его главный герой, писатель Георг Дейн (*George Dane*), перегруженный работой и отношениями, мечтает оказаться в таком месте, в котором можно отдохнуть и восстановить свои силы, в котором общение с людьми такое же живое, непосредственное и искреннее, каким оно бывает только в детстве, а присутствие, течение времени в жизни человека практически не ощущается. И во время сна ему удастся осуществить свое желание.

Книга же Р. Ольденбурга, в которой обращается внимание общества на важность доступности для каждого человека таких мест отдыха, как кафе, бары, кофейни, салоны красоты и т.п., где человек может отвлечься от своих производственных проблем и семейных неурядиц, зарядиться позитивной энергией благодаря определенной ауре этого места и благожелательному общению в нем с другими людьми, призвана, если можно так выразиться, реализовать сон Георга Дейна, живущего в современном мегаполисе, наяву.

Думаю, именно поэтому первоначально книга Р. Ольденбурга была озаглавлена как «Великое хорошее место: Кафе, кофейни, общественные места, универмаги, бары, тусовки, и как они принимают вас в течение дня».

Но почему же такие обыденные места в жизни каждого человека как кафе, бары и парикмахерские были затем возведены в ранг «великого хорошего места» и даже еще выше - в ранг «сердца социальной жизнеспособности сообщества и основы демократии»?

Смею предположить, что это было сделано по причине того, что во все времена «мелкие» проблемы рядового, «маленького человека» мало кого волновали, особенно на уровне реальной власти и реальных денег, и чтобы обосновать значимость этих проблем для всего общества, привлечь к ним общественное и, соответственно, государственное внимание с целью их решения Р. Ольденбург в своей книге приводит такие исторические примеры «третьих мест», как агора во времена древнегреческой демократии, таверна в годы Американской революции, кафе в период Французской революции, кофейня в Лондоне в эпоху Просвещения, демонстрируя при этом их связь с развитием демократии в обществе и необходимостью их для защиты одной из важнейших ценностей западного общества - индивидуализма, который

---

⁸ [https://en.wikipedia.org/wiki/The_Great_Good_Place_\(Henry_James\)](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Great_Good_Place_(Henry_James))

интерпретируется, в данном случае, как продолжение и основа развития идей гуманизма и демократии.

Здесь, пожалуй, будет уместным напомнить, что первоначально понятие «индивидуализм» определялось не столько как обособление человека от общества, сколько как необходимость ограничить давление на отдельного человека со стороны других людей. «Такое позитивное понимание индивидуализма как самостоятельности и самооценности личности отражало дух эпохи Просвещения, прославляющей свободного индивида как главного носителя ценностей европейской цивилизации... Именно принцип методологического индивидуализма стал основой классической политэкономии: Адам Смит в *Богатстве народов* (1776) четко сформулировал принцип, что когда индивид заботится о личной выгоде, то тем самым, независимо от своего желания, он приносит и пользу обществу, причем лучше, чем если бы сознательно стремился к общему благу.

Практически до конца 19 в. термин «индивидуализм» был широко распространен только во французском языке. В английский язык он попал благодаря переводу книги Алексиса Токвиля, использовавшего этот термин в своем знаменитом труде *Демократия в Америке* (1864). Согласно его интерпретации, индивидуализм – это «взвешенное и спокойное чувство, побуждающее гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек перестает тревожиться обо всем обществе в целом». Несмотря на неоднозначность формулировки, это определение не содержало в себе понимание индивидуализма как озабоченности исключительно нуждами своей собственной личности. «Я» (self), о котором, как предполагалось, только и заботятся люди, естественным образом распространялось на семью и друзей»⁹.

В западном обществе и сегодня довольно распространена либеральная точка зрения, согласно которой чем выше в обществе уровень индивидуализма, тем это общество более развито.

И вот у переизданной книги Р. Ольденбурга благодаря новому подзаголовку появляется новое заглавие «Великое Хорошее Место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, парикмахерские и другие тусовки в сердце сообщества».

Исходя из вышеизложенного, становится понятным неупоминание библиотеки в приведенном Р. Ольденбургом перечне третьих мест. Ведь библиотека, как правило, создается и финансируется, прежде всего,

---

⁹ Индивидуализм. – Режим доступа: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/a58f36e4-d284-75fc-c601-296123e41263/1011523A.htm>. Время доступа: 24.03.2016.

государственными структурами и выполняет социальные, то есть определенные обществом, а не кем-то в порядке личной, индивидуальной, инициативы, функции. Следовательно, она плохо «вписывается» в предлагаемый автором список «третьих мест» и концепцию «третьего места как опоры демократии в обществе»¹⁰.

Ради соблюдения справедливости по отношению к западным библиотекам следует отметить, что они тоже по мере сил участвуют в защите такой общественной ценности, как индивидуализм, стремясь, например, минимизировать последствия его обратной, отрицательной стороны - проблемы одиночества, изолированности человека в обществе, присутствия в жизни человека постоянного напряжения, вызванного конкуренцией с себе подобными и неуверенностью в завтрашнем дне. В качестве примера приведу прошедшую в начале марта 2004 г. в Гааге (Нидерланды) конференцию «Creating Public Paradise: Building Public Libraries in the 21st Century (Создание общественного рая: строительство публичных библиотек в 21-м веке)», на которой в качестве ключевых докладчиков выступали не только библиотекари, но и архитекторы. Как известно, существенную роль во влиянии библиотеки на человека играет ее архитектура и внутренний интерьер. Во время своего выступления на конференции один из нидерландских архитекторов рассказывал о том, что при проектировании внутреннего пространства одной из публичных библиотек он исходил из того, что посетитель библиотеки ни в одном ее месте не должен чувствовать себя изолированным в замкнутом пространстве. И даже в то время, когда он стоит в одиночестве на лестнице, ему должна быть предоставлена возможность видеть людей, которые, например, находятся на нижнем этаже. Или, например, посетитель, пришедший посмотреть картинную выставку, может увидеть людей, обсуждающих какую-либо тему, - увидеть потому, что нет стены, отгораживающей картинную выставку от конференц-зала.

Существует мнение, что «политическая ценность третьих мест в большей степени проявляется и осознается в тоталитарных обществах. Соответственно именно там политическая элита активно препятствует их формированию. Так, например, американская журналистка Мануэла Хельтерхоф, путешествуя в 80-х гг. по Восточной Германии, отметила явную нехватку кафе, ресторанов и объяснила её попыткой коммунистического правительства предотвратить появление организованных собраний недовольных политическим устройством... Кафе, в которых люди могут задерживаться не на один час, обсуждая тяготы

---

¹⁰ Согласитесь, какая вопиющая историческая несправедливость по отношению к библиотекам! Ведь когда-то Мартин Лютер, один из основоположников индивидуализма, обращаясь к «бургомистрам и советникам всех городов в немецких землях», советовал им «подумать о том, чтобы не жалеть усилий и средств на учреждение хороших библиотек, особенно в крупных городах, которым без них просто не обойтись» (http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/09.php)

дня, потенциально являются рассадниками несогласия — следовательно, лучше ограничиться их минимумом. В Дрездене асоциальная основа коммунистического общества становится кристально ясной».¹¹

На основании приведенного мнения делается вывод, что третьи места могут служить площадками, объединяющими людей схожих политических взглядов, местом рождения идей и планов, направленных на переустройство общества с целью его демократического развития, как это уже было в истории (приведенные в книге Р. Ольденбурга примеры американских таверн времен войны за независимость США и кафе в Париже во время Великой французской революции).

Похоже, это же мнение послужило основанием для трансформации оригинального заглавия книги Р. Ольденбурга в такое заглавие ее русскоязычного издания как «Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места ‘тусовок’ как фундамент сообщества – выделено П.Л.».

Нисколько не умаляя важности приведенных в книге Р. Ольденбурга третьих мест для жизни человека, тем более, в мегаполисах, и значимости содержания самой книги, все же позволю себе усомниться в том, что именно эти третьи места формируют жизненные ценности, мировоззрение и соответственно определяют общественное поведение их посетителей. Вспоминается высказывание известного американского актера Дензела Вашингтона (*Denzel Hayes Washington, Jr.*), который в одном из интервью сказал примерно следующее: «Раньше я считал, что кино¹² должно способствовать формированию определенных ценностей, и у меня всегда было определенное неприятие фильмов, которые не соответствовали этому критерию. Но потом я понял, что нужны и такие фильмы, в которых парень после напряженной работы на стройке приходит в кинотеатр, чтобы увидеть на экране красивую девушку, развлечься после тяжелого рабочего дня и т.п.».

Так что «третье место» может иметь разное значение как само по себе, так и самое разное значение в жизни разных людей, удовлетворяя или их возвышенные потребности или, извините, как говорится, их «низменные инстинкты», которые, между прочим, также важны для жизнедеятельности общества. Если в этом отношении говорить о библиотеке, то вспоминается статья, опубликованная на сайте одного из журналов для женщин, автор которой писала о том, что хотела бы пережить острые ощущения, занявшись сексом в библиотеке, а в другой, опубликованной в Интернет, статье

---

¹¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Третье_место

¹² Кинотеатр, кстати, тоже «третье место», в котором зачастую проводятся между зрителями и создателями кинокартин интересные и полезные дискуссии - П.Л.

библиотекари жаловались на то, что часть книг из открытого для читателей фонда пришлось списать из-за неистребимого запаха мочи, которым они, так сказать, пропахли.

Таким образом, весьма сомнительно то, что перечисленные Р. Ольденбургом в подзаголовке своей книги «третьи места» (кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» - *от себя добавлю, например, бани – П.Л.*) оказывают существенное влияние на формирование у человека тех или иных жизненных ценностей, или же что его общение в таких местах приводит к его тем или иным имеющим общественный резонанс действиям. Буду только благодарен, если кто-либо из читателей данной статьи приведет примеры из жизни, опровергающие мои сомнения в отношении парикмахерских, кофеен и бань как фундамента сообщества и оплота демократии. В такие места человек приходит уже со своей сформировавшейся благодаря его воспитанию, образованию и саморазвитию системой ценностей, которая, по вполне понятным причинам и как правило, соответствует ценностям общества, в котором он вырос и живет. Если же его что-то в жизни общества, в котором он живет, не устраивает, то, скорее всего, он будет искать единомышленников не в кафе или бане, а в той или иной политической партии или официально зарегистрированной общественной организации, или, наконец, в кругу своих друзей и единомышленников, которые могут собираться где-угодно. Поэтому, на мой взгляд, вполне правомерно не испытывать иллюзий в отношении кафе, кофеен, книжных магазинов, баров, салонов красоты и других мест «тусовок» и считать их всего лишь «третьим местом» - местом комфортного - и благодаря этому полезного - общения и времяпровождения.

Возвращаясь к книге Р. Ольденбурга, смею предположить, что если бы не ее, так сказать, ценностный контекст и определяемая им ее целевая установка на противопоставление «третьих мест» тоталитаризму в общественной и политической жизни, и монополистической власти капитала в экономической сфере, то она была бы, скорее, сборником исторических анекдотов, чем серьезным, заслуживающим широкого общественного внимания, культурологическим исследованием, и, пожалуй, название «Третье место» ей подошло бы куда больше, чем «Великое Хорошее Место».

Можно ли считать библиотеку третьим местом?

Исходя из приведенных Р. Ольденбургом существенных признаков третьего места, вполне. Любому библиотекарю понятно (или должно быть понятно?), что эти признаки - всего лишь минимальный набор требований, которому должна соответствовать современная библиотека.

Может ли библиотека рассматриваться как «Великое хорошее место»?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, следуя примеру Р. Ольденбурга, определить ту систему общественных ценностей, или хотя бы одну из таких ценностей, защита которой оправдывает существование библиотек как «великих хороших мест».

Какие же ценности определяют социальную значимость библиотеки? Например, М.Я. Дворкина приводит в качестве главного традиционного ценностного объекта для библиотек книгу, которую «миллионы людей, не будучи библиотекарями, высоко ценят»¹³, а также такие ценности как электронный документ, обретающий все большую ценность по мере информатизации общества, свободный доступ к информации, информация сама по себе, знания, культура, образование, просвещение и, конечно, библиотека как таковая.

Действительно очень важные для общества ценности, но почему же тогда вопрос о будущем библиотек поднимается в обществе с таким вселяющим в библиотечарей беспокойство и вызывающим у них раздражение постоянством? Например, в апреле 2012 г. в Интернет была опубликована статья: «Библиотека будущего: 10 трендов развития по версии РИА Новости»¹⁴, в основу которой «легли как мнения российских экспертов-писателей и практиков библиотечного дела, так и материалы ряда зарубежных футурологических исследований».

Ее авторами были приведены следующие основные тренды развития библиотек:

1. *Информация в «облаке»*
2. *Всеохватывающая система поиска*
3. *Автоматизированный перевод и интерпретация*
4. *Мультиформатная медиасреда*
5. *Персональное устройство чтения*
6. *Библиотека – музей*
7. *Мультимедийный центр*
8. *Хранилище ощущений*
9. *Клуб для живого общения*
10. *Центр сохранения локальной культуры,*

которые можно разделить, на мой взгляд, на две равные группы: 1) тенденции развития виртуальных электронных библиотек (тренды 1-5) и 2) перспективные новации для библиотек традиционного формата (тренды 6-10). Большинство

---

¹³ Дворкина М.Я. Библиотечные профессиональные ценности: традиции и инновации/ - Режим доступа: <http://rumchten.rsl.ru/assets/files/2009/doc/1231106177.doc>. Дата доступа: 23.03.2016.

¹⁴ <http://digit.ru/technology/20120419/391094532.html>

опрошенных экспертов полагает, что традиционные библиотеки «сохранятся как класс, хотя и претерпят существенные изменения».

Вроде бы вывод звучит довольно оптимистично, но не может не настораживать уже то, что в обозначенных выше тенденциях понятие «библиотека» подменяется «облаком», музеем, клубом, тем или иным специализированным центром. Не может не настораживать и то, что указанные выше прогнозы в отношении будущего библиотек построены, прежде всего, на основе перспективности тех или иных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые могут быть использованы в библиотечном деле. Но неужели во врачебном деле медицинский инструмент важнее врача, а в педагогике образовательные, пусть даже и компьютеризированные, технологии важнее личности и профессиональных качеств преподавателя?! Неужели библиотечная профессия настолько в представлении общества (в частности, писателей и футурологов) не профессия, что, по их мнению, библиотекарь будет вполне комфортно чувствовать себя в виде придатка к той или иной технологии, осознавая, что основное его предназначение – ее сопровождение?

Почему же у общества сложились о библиотеке и ее будущем именно такие представления, а не какие-либо другие?

Все вышеприведенные тенденции развития библиотечного дела и сценарии будущего библиотек вполне логично вытекают из существующей сегодня парадигмы¹⁵ библиотечного дела, в основе которой лежит представление о библиотеке как о хранилище информационных ресурсов (документов). Именно поэтому фонд рассматривается в качестве основной («библиотекоформирующей») составляющей библиотеки, именно поэтому, прежде всего, с документами (фондом) связана большая часть рабочего времени коллектива каждой библиотеки, именно поэтому и весь наш профессиональный библиотечный язык построен на основе приоритета фонда, книги, документа и информации. Именно поэтому в качестве сущностных (имманентных) библиотечных функций рассматриваются такие как кумулятивная, коммуникативная и мемориальная (по отношению к документу, естественно). Прокларируемая библиотекарями в конце 1990-х гг. смена парадигмы в

---

¹⁵ **Парадигма** (от греч. *paradeigma* — пример, образец) - это и основополагающая теория в определенной области знания и исторически сложившееся и наиболее распространенное в данный исторический период мировоззрение.

Процесс поиска истины в науке происходит бесконечно, и наступает момент, когда новый практический опыт и новые идеи кардинально меняют сложившиеся представления о том или ином социально-культурном явлении. Томас Кун, «Структура научных революций» (1962г.), считал, что развитие науки происходит посредством научных революций, которые представляют собой смену, в первую очередь, «психологических (объясняющих) парадигм», т.е. взглядов на научную проблему, в результате чего рождаются новые гипотезы и теории.

библиотечном деле от «библиотеки как хранилища» к «библиотеке как пункту доступа к информации», безусловно, позитивно сказалась на формах информационно-библиотечного обслуживания, но примат документа в деятельности библиотеки практически остался нетронутым. Поэтому если раньше человек, обращающийся в библиотеку, был для нас читателем, то сегодня он для нас пользователь, потребитель информации, - но и вчера и сегодня он для нас модель¹⁶ под названием «информационные потребности» человека. Причем, согласитесь, очень упрощенная модель, поскольку исследовать более глубокие взаимосвязи между имеющимся в библиотеке документом (книгой) и ее пользователем (человеком) - к чему, кстати, призывал Н.А. Рубакин, заложивший основы такой научной дисциплины как библиопсихология¹⁷, присуще больше филологам и лингвистам, а не библиотекарям. Если, конечно, не считать собранных библиотекарями коллекций оговорок и ошибок, допущенными нашими читателями при заказе той или иной книги, – но они, скорее, рассматриваются нами как предмет для смеха, а не научного исследования в области психологии читателя.

Конечно, создание такой логической модели человека как «информационная потребность» исторически было оправданно - благодаря такому подходу в библиотечной теории библиотеки на практике успешно формализовали и компьютеризировали библиотечные процессы обработки документов и предоставления к ним доступа, усовершенствовали и осовременили менеджмент библиотек на основе внедрения бизнес-технологий. Модели играют очень важную роль в человеческом познании, и без них не обходится практически ни один исследователь того или иного явления природы или социальной жизни, того или иного объекта изучения.

---

¹⁶ **Модель** (от франц. *modèle*, от лат. *modulus* — мера, образец) – упрощенное представление того или иного объекта или явления, отражающее его наиболее существенные стороны (характеристики) с целью исследования и предсказания его будущего поведения или развития

¹⁷ **Библиопсихология** (от греч. *biblion* - книга и *psyche* - душа + *logos* - учение) - отрасль психологии, изучающая психологические проблемы восприятия текстов на основе библиопсихологической теории - теории восприятия художественного текста с учетом личностного аспекта участников процесса: автор - текст – читатель. Текст при этом рассматривается как стимул для проекции у воспринимающих его читателей психических феноменов и явлений. Читатель интерпретируется не только по признакам интересов, обусловленных спецификой среды принадлежности (класс, сословие, профессия и пр.), но и на основании особенностей переживаний. На их основе предлагается построение психологической типологии читателей.

Но все модели, как известно, имеют свои ограничения. И как выразился академик РАН И. М. Гельфанд¹⁸: «Страшно, что в наш технократический век исходные принципы не подвергаются сомнению, так что когда на их основе строится тривиальная или, наоборот, тонко проработанная модель, на нее смотрят как на полную замену явления природы. При этом чем лучше сделана модель, тем это хуже для ее применений – ведь давление выхваченных «исходных принципов» выводит модель еще дальше за пределы ее применимости»¹⁹. Как отмечает академик, далеко не у каждого, как у хороших врачей, хватает здравого смысла для того, чтобы при лечении не заменять мозг – моделью мозга или нервной системы, или сердце – моделью сердца.

Если мы рассматриваем библиотеку как центр по обработке информации и предоставлению информационных услуг, то предлагаемый сценарий будущего библиотек по версии РИА Новости 2012-го года вполне реален. Чтобы найти ему альтернативу, необходимо определить другие, более актуальные и, если можно так выразиться, близкие обществу ценности.

Начнем с того, что зададим себе вопрос, что представляют собой такие ценности, как книга, электронный документ, свободный доступ к информации, информация сама по себе, знания, культура, образование, просвещение и, конечно, библиотека как таковая? Это все средства и инструменты для того, чтобы развивать человека и совершенствовать человеческое общество с целью его поступательного и устойчивого развития, с целью выполнения человечеством той миссии, цель которой, похоже, нам еще предстоит узнать. Таким образом, исходные общественные ценности для библиотеки – это человек и социум и именно вокруг этих ценностей и может быть выстроена более перспективная, на мой взгляд, парадигма библиотечного дела, библиотечного образования и взаимоотношений библиотеки с обществом. Согласен, при этом мы в определенной степени идем по пути, предложенному Р. Ольденбургом, но почему бы нам не рассматривать этот путь как традицию, установленную Генри Джеймсом и Реем Ольденбургом называть соответствующие этим общественным ценностям третьи места «Великими хорошими местами»? Тем более, что любой человек, знающий всемирную и тысячелетнюю историю библиотек, их роль в развитии человека и общества, согласится, что библиотеки имеют куда больше прав называться «великими хорошими местами», чем кофейни, парикмахерские и прочие тусовки, при всем моем к ним уважении.

---

¹⁸ Гельфанд Израиль Моисеевич (1913-2009) - один из крупнейших математиков XX века, биолог, педагог и организатор математического образования. Автор более 800 научных работ, из которых около 100 работ в области биохимии, физиологии и медицины.

¹⁹ Гельфанд И.М., Два архетипа в психологии человечества // Будущее прикладной математики: Лекции для молодых исследователей. От идей к технологиям / Под ред. Г.Г.Малинецкого. – М.: КомКнига, 2008. – 512 с. - С.461-472.

Благодаря трудам многоуважаемого мной профессора А.В. Соколова в профессиональной библиотечной среде активно пропагандируется такая важная социальная функция библиотек как гуманистическая или человекоформирующая, теоретическая разработка и разнообразная практическая реализация которой может лечь в основу новой парадигмы.

Смею предположить, что главным библиотекоформирующим элементом библиотеки в свете новой парадигмы будет не документ и не ее пользователь, а библиотекарь, поскольку именно от него будет зависеть максимальная эффективность всевозможных коммуникаций, происходящих в физическом и виртуальном пространствах библиотеки. Книга (документ), конечно, останется одним из важных ресурсов (инструментов) его деятельности, но и другие виды коммуникаций (инструментов), стимулирующих процессы познания и развития человека и общества, должны быть в его арсенале.

Исходя из таких базовых ценностей как человек и социум, естественно предположить, что человек и социум станут для библиотекаря также и объектами его профессиональной деятельности. И тогда чтение будет рассматриваться, например, как один из путей увеличения и усложнения нейронных сетей в мозге человека, что будет способствовать увеличению интеллектуального потенциала последнего. А участие библиотекаря в формировании медийной и информационной культуры человека и общества будет способствовать решению таких глобальных проблем человечества, как голод, загрязнение окружающей среды, войны и т.п.

Если библиотеке удастся позиционировать себя в сознании человека и в обществе в качестве социального института, играющего важную роль в развитии человека, в познании человека и окружающего мира, в обеспечении поступательного и устойчивого развития человечества, то тогда в том же сознании человека она всегда будет ассоциироваться с термином «Великое хорошее место».